Сальков, А. П. СССР и урегулирование национально-территориальной проблемы Юлийской Крайны и Триеста (июль 1946 — октябрь 1954 г.) / А. П. Сальков // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 66 – 83

А. П. Сальков

СССР И УРЕГУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ ЮЛИЙСКОЙ КРАЙНЫ И ТРИЕСТА (июль 1946 г. — октябрь 1954 г.) *

Национально-территориальный конфликт в Юлийской Крайне, имевший глубокие исторические корни, в межвоенный период вступил в еще более острую фазу. Это было связано с решениями Парижской мирной конференции 1919 г. и аннексионистскими условиями Рапалльского соглашения 12 ноября 1920 г., закрепившим за Италией наряду с прочими югославскими землями Истрию и Словенское Приморье, города Триест и Горицу. Первоначально СССР реагировал лишь на отдельные события этого масштабного конфликта («фиумский вопрос»), но позже вообще утратил влияние на события в регионе. Германская агрессия против Югославии в апреле 1941 г. и выход Италии из войны на стороне «оси» в июле 1943 г. обусловили новые переделы в северной части Адриатического побережья Балкан. В годы войны и в стане антигитлеровской коалиции (разработки Комиссии НКИД СССР под руководством М. М. Литвинова, английские и американские представления, территориальные претензии новой Югославии), и в фашистском блоке (решения и события, соответствовавшие интересам Германии, Италии, Независимого государства Хорватия) продуцировались и частично реализовывались планы территориального переустройства в регионе. Они отражали не только кардинальное противостояние воюющих блоков, но и сложные противоречия внутри каждого из них [подробнее см. 1].

Первая масштабная попытка обсудить проблему Истрии—Триеста была предпринята на Берлинской конференции, где был создан Совет министров иностранных дел пяти великих держав (СМИД). На его I (Лондонской) сессии (11 сентября — 2 октября 1945 г.) лишь началась выработка проекта мирного договора с Италией и обсуждение линии югославско-итальянской границы. Однако это сразу вызвало острую дипломатическую схватку СССР и западных стран за политическое присутствие в регионе, что обернулось срывом форума. На Совещании заместителей министров иностранных дел (Лондон, февраль — апрель 1946 г.) советская делегация отстаивала присоединение к Югославии Истории и Триеста, боролась за определение справедливой этнической границы. Однако вместо одной согласованной линии совещание представило четыре. На II (Парижской) сессии СМИД (25 апреля — 12 июля 1946 г.) локализовалась проблема Триеста, что привело к решению об образовании Свободной территории Триест (СТТ), близкому к советским предложениям. На сессии была принята французская линия границы, воспринимавшаяся Белградом как совершенно неприемлемая [подробнее см. 2].

Проблема Юлийской Крайны и Триеста на Парижской мирной конференции (ПМК). Конференция (29 июля — 15 октября 1946 г.) была созвана для рассмотрения подготовленных в рамках СМИД проектов мирных договоров с бывшими сателлитами фашистской Германии.

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2011—2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (ГПНИ «История, культура, общество, государство»).

Сальков Анатолий Петрович — заведующий кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Причем западными странами была предпринята попытка пересмотреть на ПМК согласованную в СМИД линию югославо-итальянской границы и расширить размеры СТТ. В общеполитической дискуссии на пленарных заседаниях стороны резко обозначили позиции. Советский министр иностранных дел В. М. Молотов, понимавший, что делегации СССР, БССР, УССР и стран формировавшегося советского блока находятся в меньшинстве, постарался перехватить инициативу. Выступая на пленарном заседании 31 июля, он сформулировал подход, чтобы «мы на деле считались с интересами стран, подвергшихся нападению», и заявил, что не только большие государства не должны навязывать своей воли малым странам, но и «тому или иному большому государству» не должны навязывать свою волю другие сильные государства [3, л. 59—60, 62]. Вице-премьер югославского правительства Эдвард Кардель превентивно протестовал 1 августа против «попустительских решений в отношении Италии», которые могли бы выразиться в предоставлении ей части Юлийской Крайны. Он говорил о невозможности привести «вчерашние страны-агрессоры» на путь мира, оставляя им часть чужих национальных территорий. При этом Кардель и на ПМК продолжал критиковать уже согласованную в СМИД французскую линию, которая, по его мнению, заменила этническую границу так называемым этническим равновесием и создала коридор от Италии к Триесту, в который должна войти «этнически абсолютно чистая словенская территория» [3, л. 106—107]. Белорусский представитель К. В. Киселев в выступлении 2 августа назвал несправедливыми версальские решения о передаче Италии Истрии, Триеста и Словенского Приморья. Поддерживая решение об образовании СТТ, он подчеркнул экономическую и этническую связь Триеста с Югославией [3, л. 156—157].

Приглашенный на ПМК министр иностранных дел Италии Альчидо Де Гаспери в своем выступлении 10 августа развернул итальянскую аргументацию, вытекавшую из цепи уже сделанных Римом уступок. Он заявил, что после его вызова в Лондон 18 ноября 1945 г. Италия отказалась от «естественной альпийской границы», чтобы удовлетворить этнические пожелания Югославии и согласилась на линию Вильсона. После вызова в Париж 3 мая 1946 г. он согласился с итогами работы Комиссии экспертов, но Югославия выступила с «аргументацией наказательного характера», претендуя на полное владение Венецией-Джулией и особенно Триестом. Принятие французской линии Де Гаспери охарактеризовал как отказ от идеи этнической границы, так как Италия лишалась г. Пола и западного побережья Истрии, но «при всей неприемлемости этих потерь» у нее оставался Триест. Однако в результате ряда компромиссов 3 июля 1946 г. СМИД отступил от своего лондонского решения и из французской линии сделал не границу между Италией и Югославией, а границу с СТТ, что «затрагивало национальное чувство Италии нестерпимым образом» [3, л. 326—328]. Де Гаспери высказался касательно СТТ: «Вы запираете в слабой клетке двух противников... и хотите, чтобы они не дрались и не вызвали на помощь славян, находящихся кругом на дистанции только 8 км, и итальянцев, которые подают им руку через маленький двухкилометровый проход?» По его мнению, ради эксперимента с Триестом Италии пришлось лишиться 81 % территории Венеции-Джулии, Паренцо и Полы, отказаться от этнической линии, оставить за пределами Италии (включая СТТ) 446 тыс. соотечественников, при этом Югославия все еще недовольна, называя эти решения изменой союзников [3, л. 329—331].

В качестве реакции на речь Де Гаспери, Э. Кардель 12 августа обратил внимание на появившееся в политических кругах мнение, что из Италии нужно сделать «плотину против славянского натиска» и защитить ее от югославских требований. Он заявил, что Юлийская Крайна давно была объектом итальянских вожделений. Еще итальянский политик Дж. Мадзини в знаменитой книге «Об обязанности человека» (1840-е гг.), Итальянская федералистская уния в 1848 г., итальянская нота Наполеону III в 1866 г. требовали границу по р. Соче, а Лондонское соглашение 1915 г. положило начало захватнической политике Италии на Балканах. Поэтому за территориальную экспансию «ответственность несет не только Муссоли-

ни и фашистская Италия, но и итальянское государство как таковое» [4, л. 15—17, 21]. В. М. Молотов усмотрел 13 августа в позиции и предложениях Италии стремление «фактически продлить перемирие и отложить окончательное мирное урегулирование», в том числе и в целях выждать более благоприятных условий для своих претензий на Западную Истрию и Триест [4, л. 48—49, 55].

С начала сентября 1946 г. центр дискуссий вокруг проблемы Юлийской Крайны и Триеста переместился в Комиссию ПМК по политическим и территориальным вопросам для Италии, где силами югославской делегации и поддерживавших ее стран была предпринята скоординированная атака на принципы и географические параметры французской линии.

Югославский представитель, заместитель министра иностранных дел Алеш Беблер, выступая 3 сентября в Комиссии по Италии, заявил, что в период с сентября 1945 г. по май 1946 г. признанный этнический принцип границ с минимумом жителей под иностранной властью исчез. Он был заменен принципом «этнического равновесия», который предусматривал наличие равного количества населения другой национальности под иностранной юрисдикцией. Данный принцип не известен международному праву, не значится в решениях СМИД и должен найти свое первое применение на новой итало-югославской границе. Принцип «этнического равновесия» оправдывал расчленение компактной этнической югославской территории и живого национального организма словенского и хорватского народов ради немногочисленных итальянских языковых островков, оторванных от Италии; позволял присоединять чужие территории с денационализированным коренным населением; имел в своей основе насилие, совершенное в прошлом над целостностью югославского народа. Данный принцип, как отметил Беблер, допускал самые абсурдные и произвольные границы, основанием для которых могли бы, например, стать 80 тыс. албанцев в Италии или 963 тыс. итальянцев во Франции. Вообще все границы Европы могли бы по нему подвергнуться глубокому изменению [5, л. 146—151]. Протестная позиция югославской делегации объяснялась тем, что Югославия требовала права для своих народов на этническую границу, а вчерашний агрессор Италия требовала территории вне своих этнических границ с целью удержать хотя бы часть югославских земель, полученных после Первой мировой войны. Таким образом, французская линия, по мнению Беблера, отрезала от словенцев Истрии все города, лишала Горицкую область ее центра, всю Юлийскую Крайну — Триеста, мореплавательный словенский народ — всего Адриатического побережья, Югославию — естественного выхода к морю. Эта линия предоставляла вчерашнему агрессору в Канальской долине, над долиной р. Соча и на плоскогорье Добердоб прекрасные стратегические позиции с железнодорожным узлом Горицы и центром вооружений Тржичем, что давало Италии значительные военные преимущества [5, л. 135, 152]. Беблер подверг персональной критике и нападкам одиозную фигуру итальянского представителя Иваноэ Бономи, который еще в 1912 г. был исключен из Итальянской соцпартии за поддержку колониальных захватов в Африке. Именно он в 1920 г. готовил унизительный для Королевства СХС Рапалльский мир, удостоившись за это высшего итальянского ордена «Аннунциато», а в бытность военным министром в период фашистского похода на Рим 27—28 октября 1922 г. не помешал чернорубашечникам вооружиться из государственных арсеналов, подконтрольных военному министерству [5, л. 136].

Первый заместитель министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинский в выступлении 5 сентября буквально разгромил аргументацию и логику И. Бономи, который накануне был заслушан на заседании Комиссии по Италии. Вышинский еще раз напомнил, что по всем переписям населения словенцы и хорваты сплошной этнической массой занимали 90 % Юлийской Крайны, а вкрапления итальянского населения не образовывали ни экономического, ни этнического единого целого. Итальянцы проживали почти исключительно в четырех городах — Триесте, Горице, Фиуме, Пола. Кроме того, еще в трех небольших районах: по нижнему течению р. Сочи (Изонцо) — в городках Градиска и Монфальконе; на западном

побережье Истрии — Каподистрия, Пирано, Паренцо, Равиньо; в северо-западной части Истрии — Вуей, Монтона, Пингуенте, Пизино. По австро-венгерской переписи 1910 г. на территории, которая позже вошла в состав итальянской области Венеция-Джулия, из общей численности населения в 1 млн чел. словенцев насчитывалось 480 тыс. (перепись занижала их количество), по югославским источникам — 600—650 тыс. чел. Поэтому Юлийская Крайна с ее населением и историческим прошлым, подытожил Вышинский, является югославской территорией [6, л. 29—33].

Помощь со стороны дружественных Югославии государств была реализована в предложении министра иностранных дел Белорусской ССР К. В. Киселева. Оно получило название белорусской линии, считавшейся крайним минимумом, на который Югославии можно было пойти для достижения компромиссного решения [7, л. 50—56, 110]. Белорусская линия, руководствуясь этническим принципом, включала в состав Югославии Горицу и несколько деревень к западу и югу от нее, а также участок Бенешской Словении, сокращая протяженность границы на этом участке с 46 до 22 км. В отличие от французской линии, создающей искусственный коридор между Триестом и Тржичем площадью 500 кв. км с населением в 65 тыс. чел., который отрезал Словению от моря, «белорусская линия» устраняла этот коридор и открывала Словении выход к Адриатике. Белорусское предложение целиком учитывало систему сообщений и коммуникаций в районе верховий р. Сочи (Изонцо), оставляя внутри СТТ только Триест. Остальная территория к югу от города включалась в ФНРЮ, основываясь на принципе близости, часто применявшемся в международных арбитражах. Идеи белорусской линии были поддержаны на заседаниях Комиссии по Италии в выступлениях Н. Н. Петровского (УССР), Э. Карделя (ФНРЮ), М. Виневича (Польша). Причем последний привел развернутые исторические параллели между Данцигом и Триестом [5, л. 158—160, 165—169].

Получив такую поддержку, Югославия в специальном Меморандуме по югославо-итальянской границе прямо заявила, что не может принять французскую линию, которая на всем своем протяжении отрезает пояс югославской этнической территории площадью 900 кв. км, населенный, по данным австрийской (1910) и итальянской (1911) переписей, 56,2 тыс. словенцев и хорватов и 14,9 тыс. итальянцев. Поскольку почти все эти итальянцы живут в этнически смешанном Триесте, то предлагаемая граница этнически неоправданна и несправедливо передает Италии компактную югославскую этническую территорию. Кроме того, эта граница (французская линия) дает Италии все стратегические исходные позиции против Югославии, которыми Италия уже воспользовалась в апреле 1941 г. В Меморандуме была сформулирована готовность Югославии отказаться более чем от 1/3 этой территории взамен получения четырех секторов к западу от французской линии [5, л. 123—124].

9 сентября югославская делегация в пояснительной записке дала Комиссии по Италии свое толкование умеренной корректировки французской линии. Из содержания Меморандума и записки вытекало, что требуемая Югославией территория к западу от французской линии (общей площадью 550 кв. км с населением в 62,1 тыс. чел., в том числе 36,8 тыс. югославов, то есть 59,3 %) разделяется на четыре сектора, которые отличаются по своему характеру, и каждый представляет отдельную проблему [8, л. 3].

1. Восточная часть Канальской долины с границей по линии Врх (Чима Белла) — Високи Канин (Монте Канин). Словенцы, составляющие 75 % населения долины, являлись здесь единственными с VI в. коренными жителями. Немцы, которые начали поселяться в отдельных пунктах долины с конца XV в., составляли 25 % местного населения, но после своего добровольного выселения в 1940—1943 гг. их численность сократилась. Итальянцев до 1918 г. здесь не было вообще. Они стали селиться в Канальской долине после соглашения Гитлера с Муссолини в 1940 г., но составили только 10 % населения. Французская линия была проведена с учетом этих иностранцев и санкционировала колонизацию пяти военных лет [5, л. 125].

2. Восточная зона Бенешской (Венецианской) Словении с границей от Височи Канин до пункта западнее д. Мищек (Мишекко) на р. Идрица (Индрио). Вся Бенешская Словения (500 кв. км с населением в 34 тыс. словенцев и 1,3 тыс. фурландцев) попала под власть Италии только в 1866 г. Эта территория в этническом отношении полностью словенская, ее население активно участвовало в борьбе югославских партизан. Однако Югославия ограничила свои требования лишь на 1/3 Бенешской Словении [5, л. 127—128].

3. Сектор Горицы — район от пункта западнее д. Мищек до д. Здравщина (Здраузина) на р. Соче, а также коммуна Добердоб (Добердо Дель Лаго). Горица, впервые упоминавшаяся в 1001 г. в качестве словенской деревни, на протяжении всей своей истории никогда не принадлежала Венеции, а до 1918 г. — никогда Италии. С 1500 по 1918 г. — входила в состав империи Габсбургов. Французская линия вырывает из Югославии национально смешанный город Горицу с 30-тысячным населением. При этом словенская часть сектора Горицы, остающаяся в Югославии (125 тыс. жителей), теряет единственный город и не имеет ни одного поселения свыше 3 тыс. чел. Горица же теряет тяготеющий к ней горный район, тогда как низинный район тяготеет к Удино. Таким образом, югославское предложение позволяет иметь свои городские центры и словенскому горному району (Горица) и итальянскому низинному (Удино), оставляет под чужой властью меньшее количество меньшинств и полностью совпадает с этнической границей [5, л. 128—130, 132].

4. Сектор Тржич (Монфальконе) с линией от р. Соча до д. Здравщина у устья р. Здоба (Здобба) площадью 109 кв. км с 40 тыс. жителей. Французская линия отдает эту область Италии. Югославия требует, чтобы граница шла по нижнему течению р. Соча до Адриатического моря. В Меморандуме сообщалось, что и итальянское и словенское население этого сектора хочет присоединения к Югославии [5, л. 133].

При разработке постоянного статута (государственного устройства) Свободной Территории Триест советская делегация выдвинула общие принципы и внесла проект статута, который выгодно отличался от британского, американского и французского проектов. В. М. Молотов при обсуждении вопроса добивался, чтобы Триест был действительно свободной, а не «какой-то губернаторской территорией», предлагал принцип взаимоотношений СТТ с Советом Безопасности ООН, нейтралитет и демилитаризацию СТТ, формирование ее исполнительной и законодательной власти, выделение для Италии и Югославии свободных зон в порту Триеста [8, л. 49—57, 60—81, 84—90, 142—156].

СССР и страны советского блока выдвинули и отстаивали на ПМК решения о введении таможенной унии и единой денежной системы СТТ с Югославией, об обеспечении Югославией внешних отношений СТТ и защиты ее граждан в других странах. Позиции по этим вопросам, но в первую очередь о границах ФНРЮ с СТТ, согласовывалась между советскими и югославскими представителями. Во время обсуждения проекта мирного договора с Италией на заседаниях Комиссии по политическим и территориальным вопросам для Италии в интересах Югославии были внесены и рассмотрены: одно предложение СССР, одна белорусская и одна украинская поправки, совместный польско-украинский проект, две польские поправки, по два чехословацких и югославских предложения, десять югославских поправок, устное заявление и меморандум Албании [9, л. 189—191]. Делегация Югославии распространила на ПМК список официальных югославских публикаций и научных монографий по истории Юлийской Крайны из 16 наименований [7, л. 11—12].

Триест был заметным фактором в планах СССР иметь свое геополитическое влияние в Восточном Средиземноморье. Советский посол в США Н. В. Новиков направил В. М. Молотову 27 сентября 1946 г. масштабную разработку по проблемам американской внешней политики. В ней говорилось о столкновении советских и американских интересов в этом важном регионе. В документе подчеркивалось, что базирование американского ВМФ «в одном или нескольких пунктах Средиземного моря (Триест, Палестина, Греция, Турция) будет озна-

чать... возникновение новой угрозы для безопасности южных районов Советского Союза» [10, док. 138, с. 317]. Триестинская проблема вызывала различные, подчас неожиданные, последствия в международной политической жизни. Так, А. Я. Вышинский принял 8 октября в Варшаве итальянского посла в Польше Э. Реале (видный деятель ИКП), который сообщал, что Де Гаспери, связанный с Ватиканом, намеренно сорвал прямые переговоры между Италией и Югославией по вопросу о границе. Реале даже направлял в «Униту» письмо с разоблачением вредных, на его взгляд, для Италии внешнеполитических установок [11, л. 48].

Сразу после окончания работы конференции в НКИД СССР была разработана справка об итогах ПМК. Особое внимание в ней уделялось проблеме Триеста. В справке подчеркивалось, что после ожесточенной борьбы «Бирнсу и Бевину удалось, используя машину голосования, протащить большинством 15 против 6 так называемое французское предложение о статусе Триеста». Это предложение ревизовало согласованные на СМИД принципы устройства СТТ (как это было записано в ст. 16 проекта договора с Италией) и вместо Свободной территории устанавливало губернаторский режим с оставлением англо-американских оккупационных войск. Вместе с тем в жесткой и упорной борьбе удалось отстоять целый ряд согласованных на СМИД статей, в том числе по югославско-итальянской границе, а также воспрепятствовать расширению размеров СТТ. Однако и попытки Югославии и дружественных ей государств пересмотреть французскую линию и более удовлетворительно для ФНРЮ решить ряд конкретных вопросов не были приняты [12, л. 1—2]. Отдельная справка была составлена о подсчете голосов по важнейшим пунктам повестки дня, что позволяет судить о работе упомянутой «машины голосования». Так, по проблеме югославско-итальянской границы и границы СТТ было внесено три поправки. 20 сентября — поправки Югославии и Белорусской ССР, которые были отклонены с одинаковыми результатами голосования: за — 5, против — 13, воздержалось — 2. А 28 сентября — поправка западных стран, принятая с результатом: за — 12, против — 5, воздержалось — 3, что сохраняло французскую линию границы [12, л. 33].

Предложение ФНРЮ, чтобы мирная конференция не определяла границ Югославии с Италией и СТТ, а передала вопрос в СМИД для вынесения после консультаций решения, согласованного с Югославией, несмотря на поддержку СССР, было забаллотировано западным большинством. В этой обстановке Югославия сделала заявление, что не подпишет мирного договора с Италией, если он не будет изменен. По завершении ПМК советская делегация указала на неудовлетворительность итогов рассмотрения триестинского вопроса. И. В. Сталин прямо заявил затем, что «Югославия имеет основание быть недовольной» [13, с. 185]. Постановления ПМК носили рекомендательный характер, и надежды обеих заинтересованных сторон были связаны с новой сессией СМИД, которая была призвана выработать окончательные тексты мирных договоров с бывшими европейскими союзниками Германии, в том числе и с Италией.

III (Нью-Йоркская) сессия СМИД (4 ноября — 12 декабря 1946 г.) и итальяно-югославская граница. Началу сессии сопутствовала сложная политическая игра, в которую были вовлечены итальянские дипломатические представительства в США и СССР. В письме итальянского посла в США А. Тарчиани В. М. Молотову от 4 ноября содержался протест по поводу игнорирования в мирном договоре с Италией ее статуса совоюющей державы и даже упоминалось о борьбе, которую якобы «авангард итальянского народа в течение 20 лет вел против фашистской диктатуры, подготовляя почву для народного восстания». Касательно проблем итало-югославской границы, заявлялось, что должен соблюдаться принцип этнической линии, в том числе и в случае создания СТТ, «границы которой должны, по крайней мере, доходить до бесспорно итальянской зоны Паренцо и Полы» [14, л. 20—21]. В новом письме Молотову от 8 ноября Тарчиани упомянул о состоявшейся накануне беседе министра иностранных дел Италии П. Ненни с главой Итальянской компартии П. Тольятти. Министр, вер-

нувшийся из Белграда, где он «исключительно в качестве частного лица беседовал с маршалом Тито», допускал вероятность прямых переговоров с Югославией. Однако и в этом случае Тарчиани исключил возможность передачи Югославии Горицы, «являющейся неотъемлемой частью итальянской территории» [14, л. 29].

Приглашенный на сессию министр иностранных дел ФНРЮ Станой Симич в выступлении 6 ноября вновь отозвался о французской линии как совершенно неприемлемой, так как нельзя отнять у союзного народа, который жил на берегах Триестинского залива в течение двенадцати веков, все его побережье Истрии. Симич заявил, что эта проблема вновь, как и в 1915 г., решается «в духе самого узкого итальянского шовинизма», исключая из югославской территории часть Истрии, Триест и Горицу. Симич сообщил, что Югославия сняла свое первоначальное предложение о включении СТТ в Югославскую федерацию под ответственность четырех великих держав или ООН и согласна с интернационализацией Триеста. Белград также выдвинул новую линию границы, увеличивая территорию Триеста на 44 кв. км, то есть на треть [15, л. 63—68].

А. Тарчиани, выступая в тот же день, построил позицию Италии на результатах опроса населения, так как итальянцы составляли большинство в приморских городах. Границы, которые были согласованы 3 июля 1946 г. (французская линия), явились, по его мнению, «тяжелым увечьем достоинства итальянского народа», потому что передавали «обширные массы итальянцев под иностранное владычество без их согласия и без международных гарантий». Тарчиани выразил сомнение в жизнеспособности СТТ с экономической точки зрения и заявил, что Италия не может скрыть своего «отвращения к решению вопроса о наших восточных границах» на основе несправедливых аргументов [15, л. 70—74]. Вскоре он вообще оценил план создания СТТ, как опасный компромисс [14, л. 77—78].

В письме Молотову, направленном в Нью-Йорк 11 ноября итальянским послом в Москве П. Кварони, обращалось внимание на то, что должно все еще оставаться в силе «признание со стороны маршала Тито итальянского характера Триеста (по соглашению Александер-Тито от 21 февраля 1945 г. — *А. С.*)». Рассмотрение всех вопросов проходило под аккомпанемент взаимных обвинений в выселениях, конфискации имущества и других притеснениях соответственно славянского и итальянского населения Юлийской Крайны [14, л. 33—34, 37—40].

Тогда же — в начале ноября 1946 г. при содействии СССР была организована встреча И. Броз Тито и П. Тольятти. В результате была достигнута объявленная Тольятти договоренность о возможности решения, при котором значительную часть спорной территории получала бы Югославия, но сам Триест при условии его автономии и демократического статуса — отходил бы к Италии [16, протокол второго совещания, примеч. 67, с. 471].

На неофициальном заседании СМИД 22 ноября 1946 г. разгорелся спор о способе формирования временного правительства СТТ, при этом выявились два подхода. Госсекретарь США Д. Бирнс предлагал, чтобы губернатор Триеста, назначенный Советом Безопасности ООН, сформировал кабинет. В. М. Молотов — чтобы представители четырех держав подобрали бы кандидатов в правительство, а СМИД утвердил их. При этом Молотов с позитивной стороны упомянул о советском опыте миссии Вышинского по наблюдению за выборами в Румынии, что вызвало саркастическую реакцию Бирнса: «это был очень большой опыт для нас» и уж если учреждать СТТ, то пусть она будет действительно свободной и не будет под контролем [17, л. 112—113]. На следующем неофициальном заседании 23 ноября долго обсуждалось описание границы. В результате было выяснено, что шоссейная дорога, соединяющая Монфальконе и Горица, а также оба эти города остаются у Италии, а город Мерна, рядом с дорогой — у Югославии [17, л. 142—145].

В Нью-Йорке продолжилась практика личных встреч В. М. Молотова с Д. Бирнсом. 25 ноября в отеле «Вальдорф-Астория» они беседовали по проблемам СТТ. По записи беседы чувствуется, что оба министра измотаны неуступчивостью и югославов, и итальянцев, поэтому

явно звучали примирительные мотивы. Бирнс говорил об изумившем его перечне несогласованных вопросов из 30 пунктов. Молотов соглашался, что югославские «запросы действительно велики». Тем не менее Молотов буквально просил Бирнса «...пойти навстречу югославам в чем-нибудь», «...сделать хотя бы немного для югославов», «...в чем-нибудь отступить от согласованных решений в пользу югославов». Бирнс уводил разговор в область стоимости того имущества, которое Югославия получит на переходящей к ней территории. Молотов же прямо указывал, что «югославы рассчитывали на Триест» и предложил «передать им Горицу и кусок территории, заключенной между линией Моргана и французской линией». Реакция Бирнса: «Это очень трудно сделать» [10, док. 148, с. 335—338].

В сложившейся ситуации обе стороны искали приемлемый компромисс без значительного ущерба для своих интересов. В письме С. Симича в СМИД от 29 ноября 1946 г. содержалась уступка в пользу Италии промышленного района Тржич (Монфальконе). Было также заявлено о готовности отказаться в пользу СТТ от одного из двух районов, через которые словенцы могут иметь выход к морю, подчеркнув, что этот район — Копер (Каподистрия) находится под контролем югославской армии с момента прекращения военных действий [18, л. 14—15].

На очередной встрече В. М. Молотова с Д. Бирнсом 6 декабря обсуждались перспективы подписания мирного договора с Италией ввиду угроз Югославии не подписывать его без изменения французской линии. Интересна оценка Бирнса: югославское правительство «в большом долгу у Молотова за то время, умение и хлопоты», которые были им употреблены для защиты интересов Югославии. Однако Бирнс заметил, что югославы похожи «на тех людей, которые стремятся получить невозможное». Молотов же пояснил, что поскольку Броз Тито и Э. Кардель несколько раз публично заявляли о своем несогласии на французскую линию, то они «чересчур заангажировались такого рода заявлениями», поэтому им нужно создать повод для подписания договора. В качестве такого повода Молотов предложил сократить сумму итальянских репараций с одновременным исправлением французской линии в районе Горицы, который и так занят сейчас югославскими войсками. Бирнс ответил, что «не видит возможности внесения какого-либо изменения во французскую линию», согласованную СМИД шесть месяцев назад, а повод может создать дополнительная сумма репараций с Италии в размере 25 млн долларов. Исчерпав все возможности для отстаивания югославских интересов, Молотов заявил под занавес встречи, что «подпись Советского Союза под французской линией обеспечена», а подпись под мирным договором с Италией «обеспечена даже в том случае, если югославы откажутся подписать его» [10, док. 152, с. 346—348].

В письме А. Беблера В. М. Молотову от 7 декабря сообщалось о беседе генерального директора Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА) Ф. Ла Гардии с Д. Бирнсом, в ходе которой последний невысоко отозвался о триестинском решении, полагая, что интернационализированный город будет источником постоянных конфликтов. При этом Бирнс допускал возможность решения на следующей основе: Триест — Италии, Горица — Югославии при остальной границе по французской линии, что представлялось югославам совершенно неприемлемым [18, л. 21].

12 декабря 1946 г. — в последний день работы III сессии СМИД на вечернем заседании без дискуссионного обсуждения министрами было принято описание границы между Югославией, Италией и СТТ, основанное на согласованных договоренностях [19, л. 267]. В итоге в Нью-Йорке был составлен окончательный текст мирного договора с Италией, утвержден Статут СТТ, в основном соответствовавший интересам ФНРЮ и СССР. Триест провозглашался демилитаризованным и нейтральным, по настоянию СССР были определены сроки вывода оттуда иностранных войск. Благодаря советской помощи была обеспечена передача Югославии значительной части Юлийской Крайны, учтены ее интересы в Триест. Как отмечал Э. Кардель, «мы можем без преувеличения сказать, что без такой помощи Советского Союза Югославия не добилась бы таких договоров о мире, которых она добилась» [20, s. 95].

Мирный договор с Италией 10 февраля 1947 г. и попытки ревизии его территориальных статей. В то же время утрата ряда территорий в Истрии в очередной раз заставило Югославию задаться вопросом, в состоянии ли она подписать договор с Италией. Однако этот акт являлся составной частью одновременного подписания мирных договоров со всеми бывшими европейскими союзниками Германии, что было в общих интересах СССР и стран советского влияния. В начале февраля 1947 г. югославский посол в Москве В. Попович довел до сведения Белграда советскую позицию. Она заключалась в том, что отказ от подписания договора может повлечь дальнейшее присутствие англо-американских войск в Италии, будет разграбляться отходящая по договору к Югославии территория, возникнет угроза неполучения репараций с Италии. Поэтому югославское правительство, как подчеркнул И. Б. Тито, «решило, хотя и с тяжелым сердцем, подписать мирный договор с Италией». Подписание произошло 10 февраля вместе с другими союзными государствами. В итоге ФНРЮ получила (по обозначению линии Моргана) зону «Б» Юлийской Крайны, анклав Пулы с окрестностями, часть зоны «А» — всего 7 тыс. кв. км с 470 тыс. населения [21, s. 137]. Однако подписание договора было сопровождено на следующий день уникальным заявлением Югославии в своем официозе газете «Борба» о том, что страна сохраняет за собой право на этнически югославские территории, оставленные договором вне ее границ [13, с. 186].

Договором устанавливались границы между Италией и Югославией (ст. 3), Италией и СТТ (ст. 4), Югославией и СТТ (ст. 22), определялись морские зоны, Югославии передавался «на правах полного суверенитета остров Пелагоза и прилегающие островки» (ст. 11) [22, док. 515, с. 91—92, 94—96, 100—101]. Кроме того, договор включал Постоянный статут СТТ (прилож. VI), Положение о временном режиме СТТ (прилож.VII), Положение о Свободном порте Триеста (прилож. VIII) [22, док. 515, с. 151—174].

Свободная территория Триест, в свою очередь, также делилась на две зоны. Зона «А» (под контролем западных стран, 1/3 площади СТТ) шла узким коридором от итальянского г. Монфальконе к Триесту, доходя до южной оконечности Триестинского залива. Зона «Б» (под контролем Югославии, 2/3 площади СТТ) — располагалась от этой оконечности далее к югу, включая города Копер, Изола, Пиран (Пирано), Умаг (Умаго), Новиград (Читтанова) [23, s. 163—167]. СТТ оформилась в особое административное образование под эгидой Совета Безопасности ООН. Разделение на две зоны предусматривалось до будущего назначения губернатора, но оно так не состоялось, что обусловило сохранение раздела [подробнее см. 24].

Драматические обстоятельства выработки мирного договора с Италией обусловили продолжение ожесточенной политической борьбы вокруг его положений на протяжении целого года. Все больший отпечаток на территориальный спор в Юлийской Крайне накладывали стремление западных государств подвергнуть ревизии ратифицированный и вошедший в силу мирный договор с Италией, а также нараставший советско-югославский конфликт.

20 марта 1948 г. США, Англия и Франция направили советской стороне совместное заявление о том, что они предлагают Москве и Риму пересмотреть мирный договор с Италией таким образом, чтобы созданная им Свободная территория Триеста была поставлена под итальянский суверенитет, а ее югославская зона (зона Б) — ликвидирована. В тот же день советское посольство в Вашингтоне получило меморандум, а 9 апреля — ноту Госдепартамента США. В первом документе Советскому Союзу предлагалось совместно с Англией и Францией начать переговоры о пересмотре мирного договора с Италией. Во втором — начать переговоры как можно скорее, а кроме того, сообщалось о согласии Италии принять в них участие. В ответной ноте советского посольства от 13 апреля возможность пересмотра мирного договора «в той или иной части в порядке переписки или устройства частных совещаний» отклонялась как неприемлемая [10, док. 255 и примеч. 1, с. 546].

Что касается позиции Югославии, то она была выражена в качестве ответа на публичное выступление США, Англии и Франции (тоже 20 марта 1948 г.) за пересмотр мирного договора

с Италией в пункте, касающемся СТТ. ФНРЮ 22 марта, помимо ноты протеста трем западным странам, выдвинула еще и свою инициативу, изложенную в заявлении министра иностранных дел С. Симича. Считая, что окажет поддержку ИКП на предстоящих парламентских выборах в Италии, Белград предложил прямые югославо-итальянские переговоры о Триесте на принципах, выработанных еще на встрече И. Броз Тито и П. Тольятти в ноябре 1946 г., о чем было сообщено в советское посольство. Последнее (не исключено, что намеренно) расценило это сообщение лишь как информацию, а не как запрос о мнении Москвы. В итоге югославы озвучили свою инициативу без формального советского благословения. Это обстоятельство вскоре было использовано как повод для разрыва Москвой 23 апреля двустороннего протокола о консультациях (заключенного недавно — 11 февраля 1948 г.), а заявление Симича почему-то расценивалось как согласие на ревизию мирного договора с Италией. Все это привело к новой фазе враждебности между двумя странами [25, примеч. 142, с. 365—366].

В период этих событий советский посол в Югославии А. И. Лаврентьев несколько раз встречался с И. Броз Тито. В беседе 2 апреля ими обсуждалось стремление американцев распространить деятельность Комиссии по наблюдению за установлением итало-югославской границы также и на границу СТТ. Югославскому лидеру это не нравилось, так как еще не существовало правительства СТТ, и он хотел бы «выяснить обстановку в северо-западной части Истрии, подлежащей передаче» [26, док. 203, с. 599]. На другой встрече — 12 апреля Лаврентьев пугал Тито сообщением о подготовке английских оккупационных войск в Штирии и Каринтии к передвижению в приграничную полосу. Тито же считал, что, возможно, эта затея связана с «теми шагами, которые предпринимаются англо-саксами в отношении Триеста» [27, док. 203, с. 577].

Советско-югославский конфликт и проблема Триеста. Противоречия между советским и югославским руководством имели первоначальный латентный период и вызревали исподволь. В Отделе внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) разрабатывались справки, касающиеся Югославии и КПЮ. Три из них — наиболее значительны. Первая — «О современном экономическом и политическом положении Югославии» (сентябрь 1947 г.), подготовленная к первому совещанию Коминформа в Шклярской Порембе (Польша, 22—28 сентября 1947 г.). Вторая — «О влиянии решений совещания представителей девяти компартий на укрепление сил демократии и социализма в Югославии» (28 января 1948 г.). Третья — «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики» (18 марта 1948 г.). Первая и третья справки, в числе прочих претензий в адрес КПЮ, касались и проблемы Триеста. Однако они включали лишь повторяющийся пассаж с указанием на «неправильную позицию по вопросу о Триесте» и «недопустимо резкую критику» действий ИКП в открытой югославской печати [26, док. 240, с. 708; док. 267, с. 794—795]. За фразой о «неправильной позиции» стояли по утвердившемуся в литературе мнению два случая. Во-первых, известное выступление И. Б. Тито на митинге в Любляне 26 мая 1945 г. в разгар триестинского кризиса, когда он запальчиво заявил, что Югославия не хочет быть «разменной монетой» и объектом «политики сфер интересов», что было принято Москвой на свой счет. Во-вторых, телеграмма Тито Сталину в июле 1946 г. с упреками о том, что советская делегация на сессии СМИД в Париже при рассмотрении вопроса о Триесте недостаточно учитывала интересы Югославии [25, с. 354]. Во второй справке и вовсе отмечался самостоятельный характер югославской внешней политики, которая противостоит нажиму англо-американцев, наращивающих свое военное присутствие в Восточном Средиземноморье. Подчеркивалось их стремление «как можно дольше удержаться в Триесте», воздействовать на Белград, «сохраняя свои войска на территории Триеста». Запад обвинялся также в затягивании назначения губернатора СТТ, так как это означало бы образование правительственного совета с последующим выводом иностранных войск из Триеста [26, док. 254, с. 745]. Противоречия, таким образом, пока носили характер разногласий и недоразумений.

Однако в период, предшествующий работе второго совещания Коминформа (Бухарест, 19—23 июня 1948 г.), начал стремительно развиваться советско-югославский конфликт, сразу оказавшийся центральным во всей деятельности этой структуры. Накануне совещания И. В. Сталин и В. М. Молотов направили югославскому руководству несколько обличительных писем по проблемам социалистического строительства в Югославии. Касательно вопросов международной политики их содержание было более умеренным. Однако в огромном по объему письме от 4 мая 1948 г. (претензии были сгруппированы по 9 разделам) упоминалась и проблема Триеста. Югославы обвинялись в том, что, получив от СССР большую поддержку, все же выражали недовольство характером решения этой проблемы. Они якобы не хотели понять, что СССР, исчерпав все возможности, не мог пойти на крайний шаг — «начать войну с англо-американцами из-за Триеста и захватить город силой». В письме цитировалось (не совсем точно) высказывание Тито на митинге в Любляне 27 мая 1945 г., ставшее впоследствии хрестоматийно известным: «...мы не хотим оплачивать чужие счета, мы не хотим быть разменной монетой, мы не хотим, чтобы нас вмешивали в какую-то политику сфер интересов». Из чего делался вывод: «Это было сказано в связи с вопросом о Триесте». Однако дальнейшая аргументация содержала явные фактические ошибки (а скорее сознательные передержки) о событиях триестинского кризиса [28, док. 11 и примеч. 4—5, с. 143, 158].

В ноте советского посольства в Белграде в адрес МИД Югославии от 20 мая 1948 г. источником недоразумений опять был Триест. Югославы обвинялись о том, что они якобы не известили Москву о своем намерении ответить западным державам по поводу их предложения о ревизии мирного договора с Италией в части присоединения к ней Триеста. Однако вслед за этим югославская сторона обвинялась уже и в том, что согласилась на это предложение [28, док. 15, с. 153]. В ответной югославской ноте 28 мая пояснялось: позиция Белграда касательно ревизии договора и проблемы СТТ «полностью совпадает с позицией Советского Союза» [28, док. 17, с. 156], что не было услышано в Москве.

В докладе секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова «О положении в КПЮ» на втором совещании Коминформа, сделанном 21 июня, Белград был голословно обвинен в отказе от согласованных с Москвой широких требований «передачи Югославии крупных территорий за счет Австрии» — Словенской Каринтии. Касательно Триеста было сформулировано обвинение в том, что югославское руководство без ведома СССР «поспешило заявить» о согласии на ревизию мирного договора с Италией и передачу ей Триеста. Из чего делался широкий вывод о том, что это усиливало позицию англо-американцев «в вопросе о пересмотре вообще договоров и соглашений о границах народно-демократических стран». П. Тольятти, выступивший 22 июня в прениях по докладу, заявил, что «после войны у некоторых руководителей КПЮ появилась тенденция по-детски, авантюристически играть идеей о новой войне» [16, протокол второго совещания, с. 412—413, 437]. Итальянский историк С. Понс усматривает в этом пассаже намек на главное послевоенное политическое противоречие в международном коммунистическом движении, которое выразилось «в игре трех человек — Сталина, Тито и самого Тольятти — и оформилось вокруг проблемы Триеста». Заместитель генерального секретаря ИКП П. Секкья, который вел на совещании свои заметки, зафиксировал и слова Тольятти «мы столкнулись по вопросу о Триесте», но они не были занесены в протокол. Тольятти также упомянул об отходе югославов от марксистских принципов при организации компартии СТТ (сюжет получит развитие на третьем совещании). Кроме того, Тольятти, явно подыгрывая Москве, бросил на югославов тень шпионской деятельности, также избрав для этого проблему Триеста [29, с. 390, 392, примеч. 82]. Речь шла о том, что в дни мартовских событий 1948 г., связанных с попыткой Запада передать Италии территорию СТТ, югославская сторона через своего посла в Риме передала Тольятти предложение встретиться и назначила время. Однако за два дня до этого американская пресса опубликовала сообщение о предстоящей встрече. Советские партийные руководители А. А. Жданов, Г. М. Маленков и

М. А. Суслов, которые вели «обстоятельные беседы» о югославских делах с выступающими в прениях делегатами, еще 20 июня сообщили Сталину об этом сюжете [16, протокол второго совещания, прилож. А, с. 485—486]. В одном из вариантов проекта резолюции второго совещания Жданов написал от руки пункт 7, касающийся обвинений Югославии в области внешней политики, в том числе и по проблеме Триеста (в окончательный текст резолюции не вошел) [16, протокол второго совещания, прилож. Б, с. 504—505].

На VI сессии СМИД (Париж, 23 мая — 20 июня 1949 г.) СССР принципиально изменил свою позицию в поддержку югославских территориальных претензий (в первую очередь на Словенскую Каринтию), которую он занимал на всех международных форумах. Это вызвало живое обсуждение проблемы в дипломатических кругах. Высказывались мнения, что при расширении экономических связей с Западом от Югославии потребуются уступки, в том числе в урегулировании отношений с Австрией по проблеме Словенской Каринтии, а с Италией — по проблеме Триеста [30, док. 47, с. 153].

На третьем совещании Коминформа (Будапешт, 16—19 ноября 1949 г.) в потоке чудовищной лжи и вымысла, обрушенных на КПЮ в докладе Г. Георгиу-Дежа «Югославская компартия во власти шпионов и убийц», в весьма характерной лексике нашлось скромное место и территориальным проблемам ФНРЮ. Было буквально заявлено: «Холоп империалистов, иуда Тито... отказался от Словенской Каринтии и препятствует справедливому разрешению югославских вопросов в Триесте». Функционирование компартии СТТ было затронуто в выступлении представителя ИКП А. Чикалини, который поведал о работе ИКП в СТТ, приведшей к расколу компартии Триеста [16, протокол третьего совещания, с. 634, 680]. Дело в том, что до 1948 г. КП СТТ во главе с Б. Бабичем и Р. Уршичем, объединявшая итальянских и словенских коммунистов, фактически контролировалась Белградом. Однако после второго совещания Коминформа КП СТТ раскололась на две враждующие партии: проюгославскую с прежним руководством (являясь, по сути, частью КПЮ, заняла монопольное положение в югославской зоне «Б» СТТ, а в западной зоне «А» сохранила лишь ряд ослабленных ячеек) и просоветскую (прокоминформовскую) во главе с В. Видали (доминировала в зоне «А», а в зоне «Б» СТТ была под запретом и действовала нелегально). Причем каждая из них сохранила название прежней единой партии. Следует отметить, что из выступления Чикалини при составлении протокола был изъят большой фрагмент о конспиративной антититовской деятельности ИКП в Словении и Истрии, выражавшейся главным образом в распространении пропагандистских материалов [16, протокол третьего совещания, примеч. 181—182, с. 743—744].

Видный российский балканист С. А. Романенко сформулировал важный вывод. Завершение крутого разворота Москвы в югославском вопросе, как на дипломатическом фронте, так и в международном коммунистическом движении, по его мнению, возможно, было связано с переносом Сталиным своих давних идеологем и психологических стереотипов 1910—1920-х гг. в конец 1940-х гг. «Югофобия», которая в разных вариантах и обстоятельствах была неотъемлемым и постоянным компонентом его политического мировосприятия, с этого времени достигла своей высшей точки. Вместе с тем Сталин понимал невозможность возврата к прежним коминтерновским рецептам воздействия на Югославию и потому не мог поддерживать болгарские, албанские и венгерские этнотерриториальные требования к ФНРЮ. В равной мере он не стал использовать в борьбе против Тито и межэтнические противоречия в самой Югославии, опасаясь их «эха» в советской стране [31, с. 447—449, 503].

СССР, чья подпись стояла под мирным договором с Италией, пытался с помощью дипломатических нот контролировать ситуацию вокруг Триеста. Весной 1950 г. Москва в одной из таких нот обвинила западные державы в затягивании вопроса о назначении губернатора СТТ и попытках создать в Триесте военно-морскую базу. Однако ее обвинения были отклонены. Советское руководство через КП СТТ во главе с В. Видали активно противодействовало всем инициативам Белграда, направленным на урегулирование триестинской проблемы [32, с. 634].

Просоветская КП СТТ оставалась едва ли ни единственным каналом влияния Москвы на проблему Триеста. Финансирование ее деятельности (как и ряда других компартий) шло либо прямо из Москвы, либо из созданных ею специальных структур. Так, 19 июля 1950 г. было принято решение политбюро ЦК ВКП (б) «Об учреждении Международного профсоюзного фонда помощи левым рабочим организациям», базировавшегося в Бухаресте при Румынском совете профсоюзов [33, л. 1—3]. Данная комиссия занималась и организацией нелегального распространения в Югославии пропагандистских материалов, именуемых изданиями югославских политэмигрантов. Председатель Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП (б) В. Г. Григорьян представил Молотову в августе 1951 г. развернутую справку о каналах (из Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии, «а также частично через Триест и Австрию») и объеме такого распространения. Из годового тиража газет, брошюр и листовок более 1,5 млн, лишь менее половины достигало адресата. Через КП СТТ снабжался только сам Триест, куда поступало три газеты из Праги и Будапешта [30, док. 212, с. 592—594]. Тем не менее объем финансирования партии шел по нарастающей. В 1950 г. он составлял 40 тыс. долл., в 1951 г. — 70 тыс. (50 тыс. из средств ВКП (б) и 20 тыс. из фонда), в 1953 и 1954 гг. — по 150 тыс. долл. из фонда. Информация о выделении Москвой средств на международное коммунистическое движение рассматривалась как совершенно секретная. Об этом свидетельствует тот факт, что заведующий отделом ЦК по связям с иностранными компартиями М. А. Суслов составлял по данному вопросу рукописные записки в одном экземпляре [34, док. 15, л. 2; 35, док. 18, л. 6; 36, док. 24, л. 1; 37, док. 26, л. 3—4; 38, док. 28, л. 3].

Интересно, что СТТ финансировалась и по плану Маршалла. Триесту было выделено 33,4 млн долл. Это было больше, чем всей Югославии (29,0 млн долл.), однако не шло ни в какое сравнение с помощью побежденной Италии — 1 314,9 млн долл. [39, с. 127].

Окончательное решение триестинского вопроса. Новое обострение югославско-итальянских отношений вокруг Триеста было связано с подписанием 9 мая 1952 г. США, Англией и Францией Лондонского соглашения, по которому они хотели передать Италии зону «А», чему активно воспротивилась Югославия [40, s. 430—431]. Москва, не имея серьезных рычагов влияния, все же отслеживала проблему. Заведующий IV Европейским отделом МИД СССР М. В. Зимянин адресовал 27 мая 1953 г. Молотову информацию о югославской внешней политике. Документ, хотя все еще и выдержанный в привычной фразеологии о «клике Тито», отмечает новую грань триестинской проблемы. После переориентации на Запад югославской внешней политики три западных государства отошли от позиции, изложенной в заявлении 20 марта 1948 г. о передаче всего Триеста Италии. Стремясь сохранить его как важную стратегическую базу, они стали выступать за раздел СТТ между Италией и Югославией. Это вполне устраивало Белград, но вызывало протесты Рима, который продолжал настаивать на выполнении заявления трех держав. В информации делался вывод, что, несмотря на все попытки Запада сблизить позиции Италии и Югославии и добиться раздела между ними СТТ, «Триест остается проблемой, вызывающей серьезные трения» [30, док. 326, с. 912].

США, которые играли все более активную роль в Восточном Средиземноморье, пытались решить триестинскую проблему в контексте создания Балканского пакта в составе Югославии, Греции и Турции с последующим подключением к нему Италии. Белград усматривал в этом проекте определенный противовес и западной, и особенно итальянской политике в регионе и поэтому всячески тормозил привлечение к нему Рима. В январе 1953 г. Тито высказал мнение о том, что корень итальяно-югославского недоверия находится в латентном итальянском устремлении к югославским территориям вдоль побережья Далмации. Балканский пакт был оформлен двумя документами между Югославией, Грецией и Турцией — Договором о дружбе и сотрудничестве (Анкара, 28 февраля 1953 г.) и Договором о союзе и взаимной помощи (о. Блед, 9 августа 1954 г.) [32, с. 634—638]. Промежуток между их подписанием был полон событий, напрямую касавшихся судьбы Триеста.

Приход к власти в США в 1953 г. администрации Эйзенхауэра-Даллеса привел к модификации «доктрины сдерживания», в которой Югославии отводилась особая роль. Вашингтон был мотивирован урегулированием конфликта из-за Триеста с целью замкнуть натовскую оборону в Восточном Средиземноморье. Поэтому Рим пытался навязать американцам план давления на Югославию, ставя решение триестинской проблемы выше вопроса об участии ФНРЮ в западной обороне. Результатом должно было стать принятие Белградом итальянских условий по Триесту — присоединение зоны «А» и части зоны «Б» СТТ к Италии. С приходом к власти нового кабинета Дж. Пеллы в августе 1953 г. итальянская политика в триестинском вопросе стала еще более жесткой. В случае неблагоприятного для себя развития событий Рим угрожал пересмотреть отношение к НАТО. В сентябре США предложили Великобритании план окончательного решения проблемы. Он предусматривал аннексию двумя конфликтующими сторонами соответствующих зон по западной схеме «свершившегося факта», а затем решение оставшихся вопросов за столом переговоров [41, с. 237—238].

После восстановления дипломатических отношений между СССР и Югославией в августе 1953 г. проблема Триеста вернулась в разряд обсуждаемых двумя сторонами, но не более чем на уровне простого информирования. Советский посол В. А. Вальков интересовался ее развитием на встрече с заместителем госсекретаря по иностранным делам ФНРЮ А. Беблером. Последний отметил, что в югославско-итальянских отношениях «периоды относительного затишья сменялись и будут сменяться периодами резкого обострения» из-за Триеста. Беблер весьма поверхностно объяснил это частой сменой в Италии слабых правительств, рассматривающих проблему Триеста с точки зрения внутрипарламентской борьбы за голоса избирателей [42, док. 310, с. 813].

8 октября 1953 г. Англия и США объявили о том, что они намерены прекратить военное управление зоной «А» Триеста и передать ее Италии. Итальянские войска были стянуты к границе зоны. Ответные действия Югославии (мобилизация резервистов и вывод танковых подразделений к итальянской границе) создали обстановку нового триестинского кризиса, грозившего войной. Тито в двух октябрьских публичных выступлениях (в Окроглице и Скопье) ясно дал понять, что решить проблему без участия Югославии не удастся [40, s. 431—432].

Промосковская КП СТТ выступила против раздела по зонам, настаивая на введении временной единой администрации для обеих зон. В советской ноте от 12 октября был заявлен протест в связи с подобным сепаратным решением, которое расценивалось как грубое нарушение условий мирного договора с Италией в части создания СТТ. В ноябре Запад выдвинул идею пятисторонней конференции по Триесту, которая в начале 1954 г. трансформировалась в новую формулу. На первом ее этапе в результате перманентного американо-британско-югославского совещания в Лондоне (февраль — май 1954 г.) были учтены югославские претензии. На втором этапе одобренный Югославией вариант решения был представлен Италии. Именно эта формула привела к согласованному решению [41, с. 239—243].

В рамках «размораживавшихся» советско-югославских отношений с июля 1954 г. шел особенно активный обмен мнениями по проблеме Триеста через послов и дипломатическую переписку. Это свидетельствовало о том, что начавшийся диалог делал обе стороны «до некоторой степени сообщниками в “триестинском вопросе”» [43, с. 261]. Однако эти события отражали лишь побочную линию в его решении.

5 октября 1954 г. в Лондоне был подписан Меморандум о согласии между США, Великобританией, Италией и Югославией по Триесту. Зона «А» СТТ — узкая полоса вдоль Триестинского залива с городами и поселками Дуино, Монрупино, Опицина, Триест, Басовидза, Зауле, Муджия, Лазеротто — была присоединена к Италии. Зона «Б» (включая символическое приращение у бывшей границы зон) — к Югославии [23, p. 272—273]. В результате Италия получила 200 кв. км территории с населением 290 тыс. чел., ФНРЮ — 520 кв. км и 70 тыс. чел. На переходящих территориях стороны обязались гарантировать права национальных мень-

шинств [41, с. 244—238; 32, с. 645]. Выступая на торжествах в городе Копере 21 ноября 1954 г., Броз Тито пространно высказался об отношении к СССР, что предварило обсуждение советско-югославских отношений на V пленуме ЦК СКЮ два дня спустя [43, с. 328–330]. Окончательно югославско-итальянская граница была подтверждена только соглашением 10 ноября 1975 г. в итальянском городе Осимо (ратификация состоялась в 1977 г.).

После раздела территории СТТ между Италией и Югославией произошел и раздел бывшей зоны «Б» СТТ между Словенией и Хорватией с установлением на севере Истрии новой административной границы между ними. Впервые такая граница была определена в феврале 1944 г. договором словенского и хорватского партизанского руководства. Однако она была ликвидирована в период существования зоны «Б» Юлийской Крайны, на территории которой по решению Народно-освободительного комитета Истрии и Народно-освободительного совета Словенского Приморья был создан Истарский округ с едиными органами власти. 15 мая 1952 г. округ был разделен на два котара (уезда) — Копер и Буйе. В 1954 г. котар Копер — с прибрежными городами Копер (Каподистрия), Изола, Пиран, Порторож — отошел к Словении, дав ей выход к Адриатическому морю и 25-километровую линию побережья. Котар Буйе с прибрежными городами Умаг, Новиград (Читтанова) и материковым городом Буйе — был присоединен к Хорватии. В 1955 г. (решением вопроса о принадлежности семи деревень) и в 1956 г. (уточнением разграничения на пограничной речушке Драгонья) словенско-хорватская граница была, казалось бы, окончательно установлена [44, s. 204, 214; 21, s. 143].

Однако, став 25 июня 1991 г. государственной, эта граница вызвала новые противоречия между двумя постюгославскими государствами. Словения оспаривает принадлежность трех деревень на р. Драгонье. Главный же конфликт заключается в неурегулированности морской границы. Словении принадлежит небольшая площадь акватории южной части Триестинского залива, но свободный выход в Адриатическое море заблокирован хорватскими и итальянскими территориальными водами. Любляна, не имея рычагов воздействия на Рим, оказывает давление на Загреб. Словения, член Евросоюза с 2004 г., блокирует запланированный на 2011 г. прием в ЕС Хорватии.

Словения сохранила связи со словенцами в Италии. Там были образованы Словенские культурно-экономические союзы (Тржич, ноябрь 1954 г.; Горица, июнь 1955 г.). В 1958 г. они объединились с Культурным обществом Иван Тринко, которое стало первой организацией словенцев в Италии, боровшихся за свои национальные права. В 1961 г. в Италии был принят закон о школах со словенским языком обучения [45, с. 388—389].

Выводы. На Парижской мирной конференции 1946 г. обсуждение конфликта вокруг Юлийской Краины и Триеста в рамках проекта мирного договора с Италией достигло наивысшего накала. На ее пленарных заседаниях западные страны попытались пересмотреть согласованную ранее на II сессии СМИД линию югославско-итальянской границы (французская линия) и размеры Свободной территории Триест. В дискуссию включились руководители внешней политики СССР, ФНРЮ, Италии (В. М. Молотов, Э. Кардель, А. Де Гаспери), что резко обозначило аргументы и позиции, которые вновь выглядели несовместимыми. В целях поиска компромисса обсуждение переместилось в Комиссию ПМК по политическим и территориальным вопросам по Италии, где оно шло на уровне заместителей министров иностранных дел (А. Я. Вышинский, А. Беблер, И. Бономи). Здесь скоординированная атака на принципы и параметры французской линии была предпринята уже силами югославской, советской и дружественных им делегаций. В результате такой поддержки Югославия заявила об отказе от французской линии, предложив ее умеренную корректировку в четырех секторах (Канальская долина, Бенешская Словения, Горица, Тржич).

СССР активно включился в разработку государственного устройства СТТ, выдвинув общие подходы и проект ее статута, что отражало планы Москвы иметь свое геополитическое

влияние в Восточном Средиземноморье. Однако на ПМК было принято предложение Франции, которое ревизовало принятые ранее на СМИД принципы устройства СТТ. Советской делегации удалось помешать невыгодному для Югославии расширению размеров СТТ, но попытки пересмотреть французскую линию в интересах присоединения к ФНРЮ ряда исторически словенских земель были отклонены. В этих условиях Югославия заявила о том, что не подпишет мирный договор с Италией без изменения в свою пользу территориальных параметров французской линии.

Рекомендательные решения ПМК были переданы на рассмотрение III сессии СМИД, где вырабатывались окончательные тексты мирных договоров с сателлитами фашистской Германии. На этом форуме борьба вокруг французской линии разгорелась с новой силой. Все большее влияние на решение проблемы стали оказывать личные встречи В. М. Молотова и Д. Бирнса, которые искали приемлемый компромисс без значительного ущерба для интересов своих держав. В итоге это обусловило принятие границы между Югославией, Италией и СТТ на основе ранее согласованных договоренностей.

10 февраля 1947 г. Югославия вместе с другими союзными государствами подписала мирный договор с Италией, сделав уникальное заявление о сохранении за собой права на этнически югославские территории, оставшиеся вне ее границ. Однако еще более года продолжалась ожесточенная политическая борьба вокруг положений договора. Все больший отпечаток на территориальный спор в Юлийской Крайне накладывали стремление западных государств подвергнуть ревизии ратифицированный и вошедший в силу мирный договор с Италией, а также нараставший советско-югославский конфликт. В ходе этого конфликта определенными аргументами Москвы стали территориальные проблемы Югославии с Италией и Австрией, а также функционирование компартии СТТ. После распада этой партии на две враждующие части, просоветская структура, финансируемая из Москвы, осталась единственным, но неэффективным каналом ее влияния на проблему Триеста. Триестинское урегулирование было тесно увязано с завершающим этапом формирования Балканского пакта. Причем особый интерес НАТО к обороне района Северной Италии и северной акватории Адриатики позволял Белграду выдвигать завышенные требования на переговорах по Триесту, спекулируя вокруг проблем расширения пакта. Одновременно ФНРЮ стремилась получить у Запада гарантию безопасности в условиях реальных угроз со стороны СССР. Недолго просуществовавший Балканский пакт имел и важный геополитический аспект. Он выступил сдерживающим фактором по отношению к эвентуальным ревизионистским намерениям Болгарии, Венгрии и Румынии, за спиной которых стояла Москва, что укрепляло послевоенный статус-кво во всем Балканском регионе.

Окончательное урегулирование проблемы Триеста путем раздела СТТ между Италией и Югославией произошло уже без участия СССР в октябре 1954 г. Окончательно же югославско-итальянская граница была подтверждена лишь в ноябре 1975 г. Однако отголоски долгого конфликта звучат и сегодня. Отношения Словении и Хорватии, между которыми была разделена югославская часть СТТ, омрачены территориальными претензиями по линии сухопутной и морской границы, в решение которых втянуты структуры ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сальков, А. П.* Проблема Юлийской Крайны (Венеции-Джулии) в советской международной политике (1918—1945 гг.) / А. П. Сальков // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск : БГУ, 2009. Вып. 4. С. 9—30.

2. *Сальков, А. П.* СССР в дипломатической борьбе за урегулирование югославско-итальянского конфликта вокруг Юлийской Крайны и Триеста (июль 1945 — июль 1946 г.) / А. П. Сальков // Там же. Минск : БГУ, 2010. Вып. 5. С. 18—39.

3. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 432 (Парижская мирная конференция, 1946 г.). Оп. 1. П. 1. Д. 1 — Стенограммы пленарных заседаний, ч. 1.

4. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 1. Д. 2 — Стенограммы пленарных заседаний, ч. 2.

5. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 13. Д. 30 — Комиссия по политическим и территориальным вопросам для Италии, ч. 2.

6. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 12. Д. 29 — Комиссия по политическим и территориальным вопросам для Италии, ч. 1.

7. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 3. Д. 55 — Материалы и протоколы выступлений членов Комиссии по политическим и территориальным вопросам для Италии.

8. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 13. Д. 31 — Комиссия по политическим и территориальным вопросам для Италии, ч. 3.

9. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 13. Д. 32 — Комиссия по политическим и территориальным вопросам для Италии, ч. 4.

10. Советско-американские отношения. 1945—1948 / под ред. Г. Н. Севостьянова; сост. В. В. Алдошин, Ю. В. Иванов, В. М. Семенов. (Россия. XX век. Документы). М. : МФД, 2004. 716 с.

11. АВПРФ. Ф. 0122 (Референтура по Польше). Оп. 28. П. 200. Д. 6 — Нотная переписка НКИД и Польского посольства в Москве.

12. АВПРФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 8-б. П. 91. Д. 279 — Справки и материалы об итогах работы Парижской мирной конференции.

13. *Гибианский, Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941—1947 гг. / Л. Я. Гибианский. М. : Наука, 1987. 201 с.

14. АВПРФ. Ф. 431/III (III сессия СМИД в Нью-Йорке, 1946 г.). Оп. 3. П. 2. Д. 11 — Документы и протоколы.

15. АВПРФ. Ф. 431/III. Оп. 3. П. 1. Д. 1 — Стенограммы заседаний, ч. 1.

16. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Г. М. Адибеков (ред.) [и др.]. М. : РОССПЭН, 1998. 800 с.

17. АВПРФ. Ф. 431/III. Оп. 3. П. 1. Д. 3 — Стенограммы заседаний, ч. 3.

18. АВПРФ. Ф. 431/III. Оп. 3. П. 2. Д. 12 — Документы и протоколы. Обзоры прессы.

19. АВПРФ. Ф. 431/III. Оп. 3. П. 1. Д. 2 — Стенограммы заседаний, ч. 2.

20. *Kardelj, E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije, 1944.—1957. godine / Edvard Kardelj. Ljubljana : Državna založba Slovenije ; Beograd : Radnička štampa, 1980. 268 s.

21. *Radelić, Z.* Hrvatska u Jugoslaviji 1945.—1991.: od zajedništva do razlaza / Zdenko Radelić. Zagreb : Školska knjiga : Hrvatski institute za povijest, 2006. 701 s.

22. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами: в 27 вып. М. : Госполитиздат : Международные отношения, 1926—1974. Вып. XIII: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1947 г. и 31 декабря 1948 г. — 1956. 495 с.

23. *Valdevit, G.* La questine di Trieste 1941—1954: Politica internazionale e contesto locale / Giampaolo Valdevit. Milano : Franko Angeli, 1886. 279 p.

24. *Vukas, B.* Državnopravni status tršćanskog područja 1947.—1954. / Budislav Vukas. Zagreb : B. Vukas, 2005. 370 str.

25. *Гибианский, Л. Я.* От первого ко второму совещанию Коминформа / Л. Я. Гибианский // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М. : РОССПЭН, 1998. С. 337—373.

26. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]: в 2 т. М. ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998. Т. 1: 1944—1948. — 1998. 985 с.

27. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы / Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.]: в 2 т. М. : РОССПЭН, 1999—2002. Т. 1: 1944—1948. — 1999. 687 с.

28. Секретная советско-югославская переписка 1948 года / Л. Я. Гибианский (подготовлено к публ.) // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 141—160.

29. *Понс, С.* Сумерки Коминформа / Сильвио Понс // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М. : РОССПЭН, 1998. С. 374—398.

30. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]: в 2 т. М.; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998. Т. 2: 1949—1953. — 1998. 1004 с.

31. *Романенко, С. А.* Между «Пролетарским интернационализмом» и «Славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год) / С. А. Романенко. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 1024 с.

32. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / К. В. Никифоров (отв. ред.). М. : Индрик, 2011. 888 с.

33. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89 (Коллекция рассекреченных документов). Перечень 38. Док. 23 — Международный профсоюзный фонд помощи левым рабочим организациям в Бухаресте при Румынском совете профсоюзов.

34. РГАНИ. Ф. 89. Перечень 38. Док. 15 — Материалы отдела по связям с иностранными компартиями ЦК КПСС.

35. РГАНИ. Ф. 89. Перечень 38. Док. 18 — Отдел по связям с иностранными компартиями ЦК КПСС, документы и подготовительные материалы.

36. РГАНИ. Ф. 89. Перечень 38. Док. 24 — Финансовые документы отдела по связям с иностранными компартиями ЦК КПСС за 1950 г.

37. РГАНИ. Ф. 89. Перечень 38. Док. 26 — Финансовые документы отдела по связям с иностранными компартиями ЦК КПСС за 1951 г.

38. РГАНИ. Ф. 89. Перечень 38. Док. 28 — Финансовые документы отдела по связям с иностранными компартиями ЦК КПСС за 1954 г.

39. Анатомия одного политического решения (к 45-летию плана Маршалла): документы / Г. А. Тахненко (подготовлено к публ.) // Международная жизнь. 1992. № 5. С. 113—127.

40. Clovenci skozi čas: Kronika slovenske zgodovine / Janez Marolt [et al.], uredil Jaro Mihelač. Ljubljana : Mihelač, 1998. 519 s.

41. *Аникеев, А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945—1957) / А. С. Аникеев. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2002. 311 с.

42. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы / Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.]: в 2 т. М. : РОССПЭН, 1999—2002. Т. 2: 1949—1953. — 2002. 928 с.

43. *Едемский, А. Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953—1956 годах / А. Б. Едемский. М. : Наука, 2008. 610 с.

44. *Čepič, Z.* Oris nastajanja slovensko-hrvaške meje po Drugi svetovni vojni / Zdenko Čepič // Mikužev zbornik / ur. Z. Čepič, D. Nećak, M. Stiplovšek. Ljubljana : Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1999. S. 201—215.

45. История Словении / Л. А. Кирилина, Н. С. Пилько, И. В. Чуркина. СПб. : Алетейя, 2011. 480 с.

РЕЗЮМЕ

В статье исследованы побудительные мотивы и результаты дипломатической борьбы между Советским Союзом и западными союзниками по решению югославско-итальянской национально-территориальной проблемы Юлийской Крайны и Триеста. Обсуждение этих подходов и принятие конкретных решений продолжилось на Парижской мирной конференции 1946 г. и III (Нью-Йоркской) сессии СМИД. На них был согласован ряд подходов, в целом соответствовавших советским и югославским интересам. Окончательное урегулирование проблемы произошло в 1954 г., но уже без участия СССР.

SUMMARY

The article studies the motives and results of Diplomatic Struggle between the Soviet Unions and its Western Allies in the question of Yugoslavian-Italian national and territorial dispute of Julian Region and Trieste. The discussion the approaches about as well as resulting decisions were continued during the Paris Peace Conference in 1946 and III-rd (New-York) FAMC Session. In the frame of these meetings a range of approaches in the whole corresponding the Soviet and Yugoslavian interests were conciliated. Definitive settlement of a problem has occurred in 1954, but already without participation of the USSR.

Статья поступила в редакцию 9 сентября 2010 г.